

**ТИПЫ ПРАВЕДНИКОВ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. С. ШМЕЛЕВА**
(«НЕУПИВАЕМАЯ ЧАША», «ЛЕТО ГОСПОДНЕ»,
«БОГОМОЛЬЕ», «НЯНЯ ИЗ МОСКВЫ»)

Праведничество как важнейший «сюжет» русской литературы долгое время третировалось сторонниками концепции критического реализма наряду с косностью, обывательщиной, отсталостью. На роль идеальных героев выдвигали борцов и революционеров. Интерес к типу простого человека, обладающего потенциалом праведности, возник в 1950-е годы, в работах Д. Е. Максимова о Лермонтове. Это было поистине новым словом, преодолением социологической догматики в литературоведении. Интерес к герою-праведнику рос стремительно и неуклонно. А. И. Журавлева в монографии об А. Н. Островском, В. С. Непомнящий в статьях о «Евгении Онегине», И. А. Столярова, А. А. Горелов в работах о праведниках Н. С. Лескова, целый ряд достоевцев обратились к непредвзятому изучению данного литературного «сверхтипа». Пришло время и для изучения концепции праведничества в творчестве И. С. Шмелева — продолжателя традиций русского реализма.

Тему не назовешь новаторской. Еще И. А. Ильин указал на сердцевину творчества писателя: «жажда праведности» как «живая субстанция Руси» [6, с. 130, 131]*⁶. В работах А. П. Черникова, А. М. Любомудрова, И. А. Есаулова сделан акцент на установлении литературных источников действующих лиц, исследовании проблемы воцерковленного героя, изучении связи с категорией соборности. Отмечены отдельные черты шмелевских праведников: гармоничность облика, деятельная любовь, следование Промыслу [8, с. 363]*⁸. Но целостного описания феномена праведничества в его религиозных истоках и внешних проявлениях пока нет. Для выполнения этой задачи потребуется не одно исследование. В настоящей статье предприня-

та попытка, во-первых, уяснить основные типы праведной личности в творчестве И. С. Шмелева (на материале избранных текстов), а во-вторых, понять роль образов праведников в организации художественного мира произведений.

Устойчивый интерес писателя к теме праведничества (особенно — в послереволюционном творчестве) обусловлен двумя причинами. Первая — экзистенциальная. Она отчетливо сформулирована в художественных произведениях и публицистике И. С. Шмелева. В «Солнце мертвых» доктор рассуждает о странности забот «теоретиков», «словокройщиков» о «всечеловеческом счастье», об утопии попыток устроиться «с земным-то богом», создав «новое Евангелие»: «Главное — успокоили человек: от обезьяны — и получи мандат! Всякая вошь дерзай смело и безоглядно. Вот оно, Великое Воскресение... вши! Нет, какова «кривая»-то?! Победная-то кривая?! От обезьяны, от крови, от помойки — к высотам, к Богу-Духу... и проникновению космоса чудеснейшим Смыслом и Богом-Словом, и... нисхождение, как с горы на салазках, ко вши, кровью кормящейся и на все с дерзновением ползущей» [с. 97]. В статье 1924 года «Душа Родины», полемизируя с идеалами «левых» («коллектив и его корыто») и «правых» («старые дрожжи только и мясо жизни, и «наши земли», и камергерские мундиры, и там нет братства»), И. С. Шмелев заявлял: «Наши пути прямые, пути Божьи, пути широкой души народной, объемлющей Любовью!». Кризис современности писатель связывал с утратой идеала жизни, пронизанной «светом Разума во Христе». Эта интуиция закономерно вела его к теме праведничества. Вторая причина обращения к теме — собственно литературная. На исходе «серебряного века», в 1916 году, в качестве своеобразного итога эстетических исканий неавангардистской интеллигенции прозвучали весьма знаменательные слова В. М. Жирмунского о «новом реализме» (в переизданиях 1928 и 1977 года этот абзац опускался): «мы хотели бы, чтобы этот новый реализм не забыл приобретений предшествующей эпохи: чтобы он основывался на твердом и незыблемом религиозном чувстве, на положительной религии, вошедшей в историю и в быт и освещающей всю жизнь и все вещи в их стройном взаимоотношении» [5, с. 56]*⁵. Есть все основания видеть в послереволюционном творчестве И. С. Шмелева отклик на эти литературные искания.

Мир праведничества, каким его изображает И. С. Шмелев, не есть нечто однокачественное и однородное. Это мир поистине личностный. Он представлен целым массивом героев. Одни из них являются действующими лицами, другие — только упоминаются в ходе повество-

вания, но неизменно соотносятся с героями первого плана. Среди персонажей, причастных праведничеству, можно выделить несколько типов. К первому типу относятся праведники Священного Писания и церковного предания: библейский Авраам, царь Соломон, псалмопевец Давид, Богородица; святитель Пантелеимон, великомученица Варвара, преподобные Сергей Радонежский и Савва Сторожевский. Это святые, жизнь которых воспринимается как безусловно высокий, чистый, прекрасный образец. Горкин, слушая житие святого Пантелеимона, плачет и шепчет: «чистота-то, духовная высота кокая! А тот тиран — хи-трость говорит!..» Герои И. С. Шмелева соединены со святыми живой связью: к ним, как и к Богу, обращаются с молитвой, дают обеты, им посвящают труд и добрые дела. Живая вера в то, что святые не только пребывают в ином мире, но и реально участвуют в делах земных людей, равнодушны к их судьбам — неизменная черта лучших шмелевских героев. Она помогает им и победить отчаяние, и преодолеть отчужденность, и преобразить окружающий мир. Вот фрагменты из «Лета Господня»: «Я рад, что Царице Небесной будет у нас приятно. Конечно, Она все знает: что у нас под шатерчиком помойка, и лужа та же, и мусор засыпан песочком; но все же и ей приятно, что у нас стало чисто и красиво, и что для нее все это. И все так думают»; «Вся Она — свет, и все изменилось с Нею, и стало храмом. Темное — головы и спины, множество рук молящихся, весь забитый народом двор... — все под Ней. Она — Царица Небесная. Она — над всеми». Безрукий Семен, жалея овдовевшую бедную женщину, говорит: «Господь и на каждую птицу посылает вон... а ты все-таки человеческая душа, и мальчишечка у тебя, да... Вон, руки нет, а ...сыт, обут, одет, дай Бог каждому. Тут плакать не годится, как же так? Господь на землю пришел, не годится»... И в минуты богооставленности, последнего одиночества, во времена смуты, всеобщего беззакония и растерянности вера в Промысел, заступничество живого Бога оказывается единственной опорой и спасением. Перед смертью барин («Няня из Москвы») говорит няне: «это ты, Дарьюшка, счастливая, у тебя Бог есть, а у меня ничего, я и молиться разучился... ».

Второй тип праведной личности — монахи, пустынники, старцы. Особая красота и внутреннее богатство данного типа личности открылась писателю давно. «Они как-то достигли тайны — объединить в душе, слить в себе нераздельно два разных мира — земное и небесное, и это «небесное» для них стало таким же близким, таким же почти своим, как видимость», — говорится в «Старом Валааме». И в интересующих нас произведениях монахи и старцы — это

«соль земли»: старушка монахиня из Высоко-Владычного монастыря в «Неупиваемой чаше», старец Варнава в «Богомолье», старец Алексей в «Няне из Москвы». Монашество в его открытости миру, в его значимости для жизни обычного человека — вот предмет интереса И. С. Шмелева. Это люди, ушедшие от мира, но оставшиеся равнодушными к его судьбам. Старушка монахиня, сострадав горю Ильи, молится вместе с ним, дарит «просвирку». После этой встречи в душе героя воцаряются ощущение легкости бытия и веселье. Именно в монастыре Илья «почувал сердцем, что может быть в жизни радость. Много горя и слез видел и чуял Илья и испытал на себе; а здесь никто не сказал ему плохого слова». Именно в монастыре происходит поворотное событие в жизни Ильи: «положил Илья в сердце своем — служить Богу».

Люди, живущие в монастыре, не законодательствуют, а дают личный пример служения Богу и ближнему. Они далеко не всегда наставляют и поучают. Задача монаха — сделать для человека прозрачным благого и милосердного Бога. Вспомним «Няню из Москвы»: отец Алексей заплакал, выслушав жалобу няни, а совет передал по-детски доверительно — «пошептал». В описании монастырской среды и ее действия на душу человека И. С. Шмелев обнаруживает родство с суждениями своего современника — А. А. Ухтомского. Знаменитый физиолог, выходец из старообрядцев, писал в 1923 году: «Так же, как смутная и мятущаяся душа поселяет вокруг себя... проповедь смуты, недоумения, страдания и мрака, так ясная и умиленная душа лесного жителя-подвижника поселяла ...живую проповедь, живое ощущение Бога в мире, т. е. настоящее благолепие жизни бытия! И утружденные души ...естественно подвигаются и тянутся странническими вереницами к тому светлому и тихому «земному раю», где дышится благолепием жизни, радостью с строем в мире!» [11, с. 146]*¹¹.

В изображении старцев ощутима ориентация на роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (гл. «Старцы», «Русский инок»). Исследователи, пишущие о перекличках произведений Шмелева и Достоевского, отмечают близость тем боли и страдания [10, с. 75]*¹⁰, униженных и оскорбленных, маленького человека, сходство психологического рисунка *³. От внимания исследователей ускользнули черты сходства в поэтике образов старцев. Как и у Ф. М. Достоевского, старцы И. С. Шмелева — это «хранители Божьей правды», окруженные атмосферой умиления. Они отличаются светлыми лицами, ласковым обращением с людьми. Общение со старцами дает человеку вкус чистоты и праведной жизни, облегчает душевные тяготы. Атмосфера главы «Благословение», рассказ о встрече Горкина со старцем Варнавой в

«Богомолье» перекликается с главой «Верующие бабы» в «Братьях Карамазовых». И старец Зосима, и старец Варнава встречают посетителей добрым словом, лаской, утешением, всех благословляют, радуются добрым делам. Так, женщина, пожертвовавшая шестьдесят копеек той, что ее бедней, «развеселила сердце» Зосимы. Старец Варнава у И. С. Шмелева радуется искреннему и неоскудевающему покаянию Горкина. Совет старца Алексея Дарье Степановне Синицыной — «Родная ты моя, не смущайся, все прими... и чужой грех на себя прими, а не осуди. Без нас с тобой судит Судия... и все мы грехом запутаны, а вот Судия и рассудит» — напоминает поучения старца Зосимы о любви: «Братья, не бойтесь греха людей, любите человека и во грехе его, ибо сие уж подобие божеской любви и есть верх любви на земле», «И да не смущает вас грех людей в вашем делании, не бойтесь, что затрет он дело ваше и не даст ему свершиться... Бегите, дети, сего уныния! Одно тут спасение себе: возьми себя и сделай себя же ответчиком за грех людской. ... чуть только сделаешь себя и за всех ответчиком искренно, то тотчас же увидишь, что оно так и есть в самом деле и что ты-то и есть за всех и за вся виноват».

Доминанта образов старцев у И. С. Шмелева, как и у Ф. М. Достоевского, — милующая, неизбирательная, неосуждающая любовь, акцент не на личной, а на всеобщей греховности, на необходимости воспитания чувства всеобщей ответственности. Как известно, такой тип мироотношения К. Н. Леонтьев назвал «розовым христианством». Однако В. В. Розанов и Г. В. Флоровский убедительно защищали правоту Достоевского (а значит, и Шмелева): «Если это не отвечало типу русского монашества XVIII–XIX вв., то, может быть, и даже наверное, отвечало типу монашества IV–IX вв» [13, с. 301]*¹³. И действительно, образы старцев соответствуют святоотеческой традиции. По словам французского богослова О. Клемана, «духовный отец» получает... харизму сострадания (в букв. смысле: «страдать с кем-либо»), а через нее и дар смиренного и внимательного сердцеведения... «Духовный отец» прежде всего кроткий, мягкосердечный, безгранично любящий человек» [7, с. 142–143]*⁷. Любовь, милосердие были свойственны и русским монахам XVIII–XIX вв. — святому Паисию Величковскому, оптинским старцам *¹⁴.

К третьему типу шмелевских праведников относятся странники и блаженные: Пашенька-преблаженная в «Лете Господнем», Симеонушка в «Богомолье». Их литературные предшественники — некрасовский Влас, Макар Иванович в «Подростке» Ф. М. Достоевского. Странничество

этих героев — наилучшее средство к достижению цели жизни. Странники и блаженные окружены особым почтением, смысл их слов пытаются разгадать, их даже боятся. Нелицемерное обхождение, подчас — суровое поведение блаженных (Симеонушка, оказавшись в трактире, ударил палкой по шкаликам, кулаком — по чайнику) пробуждают в людях ответственность за свою жизнь, высвобождают из-под власти суеты. Легкость быта, порой — полная свобода от земных забот (в описаниях Пелагеи и Симеонушки повторяется мотив отказа от вкусного угощения), возвращает человеку ощущение скоротечности жизни, тленности земных благ. Поэтому странников воспринимают как основу мира. Как говорит один из персонажей «Богомолья»: «Такими-то еще и держимся».

Наконец, четвертый, самый многочисленный тип — праведники в миру. Возможно, это тип, самый дорогой и близкий писателю. Он выдвинут в центр повествования. Для И. С. Шмелева, видимо, важно, что эти люди существуют в лоне простой, обыкновенной жизни, в стихии повседневности. Путь к праведности герои открывают для себя не путем ухода от этой действительности, а оставаясь на своем месте. Это Илья Шаронов, Арефий, Анастасия Павловна в «Неупиваемой чаше», Горкин, Сергей Иванович, безрукий Семен, Саша Юрцов, Анна Ивановна в «Лете Господнем», Горкин, Домна Парфеновна, Федя в «Богомолье», Дарья Степановна Синецкая, Анна Ивановна, Васенька Ковров, граф Комаров в «Няне из Москвы» и многие другие. Среди них есть богатые и бедные, работники (слуги) и хозяева (господа), образованные и необразованные. Герои отличаются друг от друга и психологическим складом. Социальные и психологические особенности только подчеркивают общность главной ценностной установки: верность Богу и своему единственному месту в мире. Вспомним «комментарий» няни из Москвы к судьбе обнищавшего графа Комарова: «не страшно нищим стать, страшно себя потерять». А вот ее ответ на попреки в верности старине, в отсутствии стремления внешне приукрасить себя: «а чего мне новой-то быть, не бельишко, не выстираешь, а какой мне Бог вид дал, такой и ношу, не оборотень какой, не скидаюсь... Это нечистый образы всякие принимает, норовит все наоборот вывернуть». Праведность, как ее изображает И. С. Шмелев, не знает ни национальных, ни конфессиональных границ. Подтверждение тому — рассуждения Дарьи Синецкой о татарине Османе: «Месяцу молится, а верный-то какой. Ведь он в рай попадет, в ра-ай... и спрашивать не будут, какой веры. Голову свою за нас клал... Ну, вот, возьмите... тата-рин, а и у него совесть есть».

Данное качество сознания получило название простоты. Просто-та героев И. С. Шмелева — не грубость, не опрощение, а целостность, нерасщепленность, чистота души, прямая устремленность к Богу. К мирским праведникам И. С. Шмелева применимы слова С. Н. Булгакова о христианском подвижнике: «Его внимание сосредоточивается на его прямом деле, его действительных обязанностях и их строгом, неукоснительном исполнении... Это перенесение центра внимания на себя и свои обязанности, освобождение от фальшивого самочувствия непризванного спасителя мира и неизбежно связанной с ним гордости оздоравливает душу, наполняя ее чувством здорового христианского смирения» [2, с. 324–325]*².

Самозабвенное и самоотверженное исполнение долга, родственно-внимательное отношение к окружающим ведет шмелевских праведников к высотам любви к ближнему. Необычайно трогательна молитва няни: «покарай Ты меня, взыщи на мне, а Катюньчика не оставь милостью!». Здесь ощущается красота души безгранично милостивой, не помнящей зла, готовой душу положить за ближнего. При этом в смиренном служении шмелевских праведников нет ничего рабского. Они являются личностями в прямом смысле слова, исполнены достоинства, способны постоять за себя и свою правду, предприимчивы и инициативны. Так, Горкин смело укоряет хозяина за отказ отпустить его на богомолье, Дарья Синицына, не страшась, говорит правду в лицо хозяевам.

Праведники, будучи носителями религиозной культуры личности, противопоставлены в «Неупиваемой чаше», «Няне из Москвы» образованным «неверам», «самодоволам». Под подозрение берется не образованность как таковая, а образованность непросветленная, оторванная от христианской духовной основы. В своей критике «неверов» И. С. Шмелев близок С. Н. Булгакову: «Вследствие отсутствия идеала личности (точнее, его извращения) все, что касается религиозной культуры личности, ее выработки, дисциплины, неизбежно остается у интеллигенции в полной запущенности» [2, с. 326]*².

Рассмотрим основные черты шмелевского праведника в миру на примере образа Горкина, который «весь на правде стоит». «Правда» Горкина богата и многогранна. Ее основа — непрестанное сердечное сокрушение, неоскудевающее покаяние. Видимо, именно этой установкой ума и сердца и обрадовал старца Варнаву Горкин. Трудно согласиться с И. А. Есауловым, когда он называет данную черту героя «постоянной боязнью духовного несовершенства перед лицом идеальной

Святой Руси, страхом несоответствия низкой наличной данности этой высокой заданности» [4, с. 249]*⁴. Покаяние Горкина — это не столько страх и боязнь, сколько трепет души. Это путь к обретению чистоты и спокойствия. Не случайно Ваня в «Лете Господнем» отмечает его спокойный облик («Он так покойно смотрит в мои глаза»). После исповеди у Горкина «душа воспаряется», испытывает легкость, радуется. Покаяние, — истолковывает Г. В. Флоровский смысл писаний св. Исаака Сирина, — «это не только момент, но и постоянный мотив подлинной жизни. Ибо никто еще не выше искушений, и покаяние никогда не может быть окончательным... Именно плач и покаяние пролагают путь к истинной радости и утешению» [12, с. 186–187]*¹².

Неоскудевающее покаяние Горкина приносит свои плоды. Это не только скромность, нищелюбие, воздержание, благообразный внешний облик, чинное поведение, упорядоченный быт. Вершина устойчивой покаянной настроенности героя — свойство, которое в святоотеческой литературе именуется «слезным даром». Мотивы слез и радости сопровождают описание героя. Горкин плачет, слушая житие святого Пантелеимона. Он говорит Ване: «Смотри-взирай на святыи крест и радуйся, им-то и спасен», «Наша вера хорошая, веселая», плачет от радости после исповеди у старца. Это уже не слезы сердечного сокрушения, а слезы умиления перед святыней и перед благостью Творца.

Праведность Горкина испытывается способностью быть снисходительным и милостивым, отсутствием высокомерия. По словам св. Исаака Сирина, «немилостивый подвижник — бесплодное дерево» [9, с. 301]*⁹. Ваня отзывается о Горкине: «Самый справедливый человек», но строгий. А со мной не строгий». Горкин корит Машу за насмешки над Денисом: «А смеяться над человеком не годится, он и то от запоя пропадет». Горкин поучает Ваню: «осерчал на кого — сейчас и погляди за него, позадь, и вспомнишь: стоит за ним. И обойдешься». На богомолье Горкин отказывается осуждать дьякона, позднее — боится поссориться с Домной Панферовой. Герой верит не только во всеобщее Воскресение, но и во всеобщее прощение. Подтверждение тому — разговор с о скорняком о посмертной судьбе Ивана Грозного: «Горкин говорит, что Митрополит-мученик теперь Ангел, и все умученные Грозным Царем теперь уж лики ангельские. И все возопиют у Престола Господня: «отпусти ему, Господи!»— и простит Господь». Вера во всеобщее прощение, в чём-то близкая мнению, высказывавшемуся св. Григорием Нисским, придает облику Горкина особенно светлый и гармоничный характер, его душе — красу и величие.

В миропонимании шмелевских праведников есть и моменты «еретичества»: в праздник Троицы Горкин читает молитву, обращенную к матери — сырой земле; Илья Шаронов пишет иконы «по-новому», «красиво», но «без строгости»; его «тетрадь» до времени утаивается в покоях настоятельницы монастыря. Истоки этих воззрений — народные верования, трансформировавшие, смягчившие христианство. В них живет, по словам ученого архиерея из «Неупиваемой чашки», «тоска человеческого сердца». Она не только не мешает героям оставаться верующими, но и придает их облику особую человечность.

Праведники, какими их изображает писатель, отличаются друг от друга степенью духовных дарований, сохраняя единство в главном. Как говорит один из героев «Богомолья», лексически переиначивая Евангелие: «В доме у Бога обителей много». Очаги праведности — центры подлинной жизни в стихии повседневного, обыкновенного, житейски-будничного. Любовь, прощение, отказ от осуждения, забота о благообразии личной и домашней жизни, терпеливое перенесение страданий, общее переживание радости, скорби создают ощущение присутствия благодати, проводниками которой являются праведники. Они ненасильственно привлекают к себе людские сердца и обладают энергией преображения жизни. Знаменателен в этом отношении эпизод примирения в «Богомолье», растрогавший паломников: «Правильные вы, глядеть на вас радостно». Рискну предположить, что прообраз таинственного единения людей в художественном мире И. С. Шмелева — жизнь в свете Пресвятой Троицы. Праздник Троицы имеет, на наш взгляд, важное значение для понимания христианства И. С. Шмелева: в «Лете Господнем» Троица как бы выделена в черед двенадцатых праздников особо проникновенным описанием; иконой Троицы отец благословляет маленького Ваню; на богомолье («Богомолье») отправляются в обитель Пресвятой Троицы.

Многообразие типов праведной личности создает необычную структуру художественного целого. На первом плане изображения оказываются праведники в пределах одной семьи или одного дома, на втором — праведники России, в отдаленной перспективе — святые Церкви. Сами же произведения — при всем их жанровом своеобразии — можно назвать частями одного предания о семейном и народном бытии. Роль писателя при этом — роль хранителя и записчика предания.

Доминанта религиозности шмелевских праведников — умиление — сложный духовный комплекс. В избранных нами произведениях умиление из сферы героев проникает в сферу авторской эмоциональности.

Как показала И. Л. Альми, эта сфера граничит с сентиментальностью, но ей не тождественна [1, с. 122]*¹. Она заслуживает отдельного рассмотрения в соотнесенности с произведениями Ф. М. Достоевского, а также с работами русского философа-эмигранта Н. С. Арсеньева о формах русской жизни.

Тема праведничества у Шмелева — это воскрешение традиций мирной магистрали русской классики. При этом в русской литературе XIX века сформировались два варианта праведной личности — человек «простого сознания» (пушкинские Савельич, няня Татьяны Лариной; Наталья Савишна и немец Карл Иванович в «Детстве» Л. Н. Толстого; Агафья в «Дворянском гнезде» И. С. Тургенева; Любовь Онисимовна в «Тупейном художнике» и Праша в «Даме и фефеле» Н. С. Лескова) и образованный «русский европеец» (Татьяна Ларина, Лиза Калитина, Марья Болконская, лесковский Савелий Туберов). И. С. Шмелев явно отдает предпочтение первому типу, выводя его с периферии повествования в центр. В «Няне из Москвы» происходит решительное обновление традиции: человек «простого сознания», до сих пор подававшийся объектно, ведет рассказ соло, раскрывая свое видение важнейших черт и событий русской жизни в XX веке. Вопреки своим современникам — А. М. Горькому и Д. С. Мережковскому — И. С. Шмелев увидел в праведниках не косность, не отсталость, не «рабское смирение», а поэзию любви к малому и близкому, простоту и сердечный «ум». В родной старине писатель нашел опору в борьбе с возобладавшими в XX веке человекобожием, философией «деонтологизированного субъекта». Эта вера и философия сделали возможной радикальное отвержение ценностей и безоглядное отрицание тысячелетнего прошлого России. В то же время И. С. Шмелева как писателя волновала не онтология как таковая, а сопряженность универсалий со сферой живой, обыкновенной жизни, близость их к «каждому здесь», «каждому сейчас». Не здесь ли кроется причина интереса и любви писателя к праведникам в миру?

Примечания

*¹ Альми И. Л. Поэтика образов праведников в поздних романах Ф. М. Достоевского (Пафос умиления и характер его воплощения в фигурах странника Макара и старца Зосимы) // Альми И. Л. Статьи о поэзии и прозе. Кн. 2. — Владимир, 1999. — С. 121–131.

*² Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозных идеалах русской интеллигенции) // Булгаков С. Н. Сочинения: в 2-х т. — М., 1993. — С. 302–342.

*³ Дунаев М. Достоевский и Шмелев // Достоевский. Материалы и исследования (3) — Л., 1978. — С. 217–221.

*⁴ Есаулов И. А. Поэтика литературы русского зарубежья (Шмелев и Набоков: два типа завершения традиции) // Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. — Петрозаводск, 1995. — С. 238–266.

*⁵ Жирмунский В. М. Преодолевшие символизм // Жирмунский В. М. Поэзия Александра Блока. Преодолевшие символизм. — М., 1998. — С. 25–56.

*⁶ Ильин И. А. «Святая Русь». «Богомолье» Шмелева // Ильин И. А. Одинокий художник. — М., 1993. — С. 125–132.

*⁷ Клеман О. Истоки. Богословие отцов Древней Церкви. Тексты и комментарии. — М., 1994.

*⁸ Любомудров А. М. К проблеме воцерковленного героя (Достоевский, Зайцев, Шмелев) // Христианство и русская литература. Сб. 3. — СПб., 1999. — С. 356–366.

*⁹ Аввы Исаака Сирина Слова подвижнические. — М., 1993.

*¹⁰ Струве Г. П. Русская литература в изгнании. Изд. 3-е, испр. и доп.. — Париж-Москва, 1996.

*¹¹ Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник. Этика. Религия. Наука. — Рыбинск, 1997.

*¹² Флоровский Г. В. Восточные отцы V–VIII веков. Из чтений в православном богословском институте в Париже. — Париж, 1933.

*¹³ Флоровский Г. В. Пути русского богословия. — Вильнюс, 1991.

*¹⁴ Prestel David K. Father Zosima and the Eastern Orthodox Hesychast Tradition // Dostoevsky Studies, New Series. — Vol. II. №1 (1998). — Pp. 41–59.

Summary

The article describes the concept of pious personality in the works of I. S. Shmelev, and the impact of this concept on the genre and composition of his prose. Four general types of pious man are identified: 1) saints of the Church 2) monks, elders 3) wanderers and the beatifics 4) the pious in the world. It emphasizes that the pious in the world is put in the forefront in Shmelev's works. Behavior and values of characters are commented by sayings of Holy Fathers and works of S. N. Bulgakov and A. A. Ukhtomsky. Shmelev's personages are compared with the heroes of Pushkin, L. N. Tolstoy, Dostoyevsky, Nekrasov, Leskov. The article highlights both the traditional and the innovative approach of Shmelev to the theme of a pious personality.